

Битва эта происходила 1го июля. После пятичасового кровопролитного боя казаки уступили, потеряв своего атамана Драного. Запорожцы засели было в Бахмуте, но Шидловский скоро принудил их к сдаче и истребил всех до единого. «Сдавались они нам, едной в том гаму нам не донесено, восприяли по начинанию своему», – так доносил он князю Долгорукому о «конклюзии», учиненной над «воровским собранием».

Городок Бахмут был до тла разорен и выжжен. 6-го числа того же месяца был отбит неудачный приступ казаков к Азову, а на другой день последовал трагический конец самого руководителя мятежного движения - Кондратия Афанасьевича Булавина. Казаки отправили депутации с повинною в Москву, Воронеж и в Острогжск, где стоял Долгорукий.

Доблестный майор теперь именно и решил пустить в дело быстроту и натиск для усмирения уже угасшего бунта. Узнав от присланной депутации о трагическом конце Булавина и перемене настроения во всем войске, он сейчас же двинулся в Черкасск и 15го июля, с дороги, писал Петру следующее:

«Я пошел к Черкасскому для лучшего укрепления казаков. Вашему величеству известно, какие они шаткие люди и нынешний атаман какого он состояния; как в Черкасском, так по всем городкам, по большим и по малым все изменили сплошь, и ежели в нынешний случай, что они в великом страхе от наших полков, под ними чего указом вашего величества не будет учинено, то конечно и впредь от них тогож ждать. Коли я был малолюден, то все вышеписанные воры всеконечно хотели меня совсем снести; а коли я собрался и учинили поиск над Драным, то все начали робеть и бежать, и в Черкасской

Драного сын прибежал с вестью, что отца его под Тором убили, и для того у них лучшая надежда пропала. Василий Фролов кой час услышал, что Драного убили, то он и все при нем сказали: ежели в Черкаском то сведают о Драном, конечно Булавина убьют, для того, что Булавин был дурак, все воровство и вся надежда была на Драного. Под такой случай надобно определение с ними сделать, чтоб и впредь им нельзя не токмо делать и мыслить, и вольность у них убавить.».

В конце июля Долгорукий подошел к Черкаску. Новый атаман Илья Зерщиков и старшины выдали ему, по его требованию, пуших заводчиков - 26 человек в том числе - сына и брата Булавина. Долгорукому этого показалось мало. Он потребовал выдачи всех Рыковских казаков, которые из всех низовых станиц принимали наибольшее участие в «воровстве». Атаман и старшины отказали ему в этом. Зерщиков за это после сложил свою голову на плахе перед глазами самого царя. Но старшины вполне резонно рассуждали, отказывая Долгорукому в его требовании выдачи Рыковских казаков. В откровенной беседе с г. майором, Зерщиков и есаул Соколов сказали, «что они все этому делу виновны, и ежели это дело разыскивать, то все кругом виновны». В письме царю из Черкаска Долгорукий с особенным усердием настаивал на том, что «не только Рыковские – все сплошь Черкаские в том воровстве равны», и просил разрешения подвести всех «под главу».

«За их воровство всех сплошь рубить - и того мне делать без указа вашего величества невозможно». – не без сожаления писал он в заключение своей реляции.

Царь, не отличавшийся особой мягкостью сердца, обнаружил большую дальновидность, чем не в меру усердный исполнитель его предначертаний. Сложившее оружие казачество было еще достаточно внушительной силой, которую ненужная жестокость могла объединить и снова поднять против Моск. Правительства, а это пока не входило в расчет самодержавного строителя государства. И потому приказом от 15 авг[уста] он предписывал ему несколько умерить свой усмирительный пыл.

«Господин майор!

по городкам вам велено так жестоко поступать в ту пору, пока еще были все в противостоянии, а когда уже усмирил, то надлежит иначе, а именно, заводчиков пуших казнить, а иных на каторгу; а прочих высылать в старые места, а городки жечь по прежнему указу. Сие чинить по тем городкам, которые велено вовсе искоренить, а которые на Дону старые городки, в тех только в некоторых, где пушее было, заводчиков только казнить, а прочих обнадежить; а буде где какую противность ныне вновь сделают, то и всех под главу... что и ныне подтверждаю; ибо Нам, так отдаленным, не возможно конечного решения вам дать, понеже случаи ежедневно переменяются. Также сказывал Ушаков, что оставили вы полк в Черкаском, и то кажется не добро ради многих причин, а лучше тому быть в Азове; а когда понадобится, только тридцать верст

оттуда. Впрочем благодарствую вам за труды ваши, в Черкасском показанные».

Итак, Долгорукову предстояло обнаружить свою энергию при истреблении верховых казачьих станиц. Дело было не трудное. И – майор показал себя на высоте задачи. Кроме 2000 регулярного войска, высланного царем для усмирения мятежников, против мятежных станиц направлена была еще половина калмыцкой орды Аюки-тайши, приблизительно 15000 калмык. Другие 15000 должны были действовать против казаков, захвативших некоторые поволжские города (Дмитриевский, Камышин, Царицын) против Некрасова и Хохлача, державших в осаде Саратов. Против верховых же городков заставили действовать самих казаков, принесших уже повинную. И как всегда это было в истории донского казачества казаки холопским усердием старались замести следы своего недавнего порыва к свободе и благородную попытку борьбы за право.

В течение мая и июня верховые казаки взяли на Волге города Дмитриевский, Камышин и Царицын. Хохлач подступил к Саратову, но был отбит на первых порах. Он стал поджидать Игнатия Некрасова и, когда тот явился, они вознамерились сделать второй приступ. В результате войска под начальством Хованского и Дмитриева-Мамонова в союзе с 15 тыс. калмык заставили Некрасова и Хохлача отойти от Саратова. Отступив от этих войск к родным станицам, казаки попали в неприятельское кольцо, из которого не было выхода. Начальники Хованский и Дмитриев-Мамонов с севера, с юга надвигался с своими полками и другою половиною калмык кн. Долгорукий. Казатские станицы пробовали было избавиться от беды принести повинную, но не спасли себя этим:

Казаки Перекопской станицы, поступившие таким образом, были вырезаны и перебиты до единого, станица до тла сожжена. Разрозненные, потерявшие вождей, связанные тяжелым обозом, женами и детьми, казаки продолжали отступать без определенного плана по стране, занятой беспощадным врагом. 23го августа 4000 казаков с большими обозами и с семействами были настигнуты полком Дмитриева-Мамонова и калмыками, ниже Паншина городка, на берегу Дона. Жестокое побоище, произошло здесь. Казаки обрели себя на смерть и не дешево отдали жизнь свою и своих семейств превосходящим по числу победителям. Восемь станиц было снесено с лица земли после этой великой баталии».

Накануне этой битвы Долгорукий подошел к Есауловской станице, где собралось 3000 казаков с семействами из 16 станиц. Эти казаки поджидали Некрасова, чтобы бежать с ним на Кубань. Долгорукий вознамерился предупредить соединение их с Некрасовым. 22 августа он подступил к станице, но был отбит. Однако на другой день казаки выслали с повинной и просили помилования. Долгорукий принял повинную, повесил несколько

Блистательные рыцари своего времени

Автор: Администратор
04.11.2014 13:18

сот человек и пустил виселицы на плотках по Дону. Пощаженным приказал возвращаться в их разоренные и выжженные станицы. Некрасов со своими казаками видел плывшие по волнам Дона виселицы, на которых качались казачьи трупы. По этим страшным трофеям царских войск он

догадался об участии казаков, ждавших его в Есауловской станице с бывшими при нем двумя тысячами он ушел на Кубань. Полна глубокой, щемящей тоски песня, сложенная этими казаками:

Да кто б у нас, братцы, побывал на Тихом Дону!

Да кто бы нам рассказал про батюшку славный Тихий Дон!...

Из мятежных атаманов на Дону остался еще Никита Голый. Это был отважный воин из безшабашной голутьбы. Он вырезал полк Бильса, сопровождавший 100 будар с хлебом к Азову. Собирался даже двинуться с горстью своих сподвижников к Москве и разослал грамоты по Украинским городам.

«Нам до черни дела нет, – писал он в ней, – нам дело до бояр и которые неправду делают, а вы, голутьба, все идите со всех городов, конные и пешие, нагие и босые! идите, не опасайтесь! будут вам кони и ружья и платья и денежное жалование; а мы стали за старую веру и за Дом Пресвятой Богородицы, и за вас, и за всю чернь, и чтобы нам не впасть в Еллинскую веру. А вы, стольники и воеводы и всякие приказные люди! Не держите чернь и по городам не хватайте и пропускайте всех к нам в Донские городки; а кто будет держать чернь и не отпускать, и тем людям смертная казнь».

Два месяца держался Никита Голый на Дону. 26го октября 1000 его товарищей были окружены в Донецкой станице царскими войсками, а 4го ноября сам Голый был выбит из Решетовской станицы и погиб в битве. Опять трупы поплыли к морю по волнам Дона и пожар Решетовской станицы в последний раз озарил берега опустошенной реки.

Смирились мятежные казаки. В память этих кровавым событиям сложилась у них песня, которая поется казаками и теперь. И напев, и слова ее полны горькой и жгучей скорби:

Чем-то наша славная земелюшка распахана?

Не сохами то славная земелюшка наша распахана,
не плугами,

Распахана наша земелюшка лошадиными копытами,
А засеяна славная земелюшка казацкими головами.

Чем-то наш батюшка славный тихий Дон украшен?

Украшен-то наш тихий Дон молодыми вдовами.

Чем-то наш батюшка славный тихий Дон цветен?

Цветен наш батюшка славный тихий Дон сиротами.

Чем-то во славном тихом Дону волна наполнена?

Наполнена волна в тихом Дону отцовскими-материными слезами.83)
Ф. Крюков

Такою ценой самодержавное российское правительство заплатило казакам за вековую их борьбу на одной из самых опасных окраин, за самоотверженную защиту русской народности от ударов с юга и юго-востока, за расширение пределов русского государства.

Отец и дед Петра Великого относились к казакам с ласкательством униженной лестью... Казаки были слишком нужны им к службе. Новые Московские самодержцы, уже стеснялись поклониться серым рыцарям в зипунах, с мозолистыми руками. «Святитель» Филарет в просторной грамоте изобразил бедственное состояние Руси и замыслы против Москвы... Именем Бога убеждал казаков стать за царя...

И казаки служили преусердно. Их похваливали, поощряли жалованьем; «чтобы службу вашу и радением Московское Государство по прежнему распространялось и церкви Божии по прежнему в лепоту облакались». А между тем цари московские уже и в те времена лукавствовали и не брезговали вероломством по отношению к казакам. Царские послы, на предъявленные турецким султаном требования усмирить казаков, разорявших пограничные турецкие области, говорили: ...

Самодержавие, сменившее татарское владычество, вскормленное в его недрах, но возложившее на русский народ новые оковы и запоры, не могло, разумеется, примириться с свободой и самостоятельностью какой-либо общины, класса, народности, если представлялась возможность задавить эту свободу. Потеря казацкой автономии была лишь вопросом времени. Особым политическим смыслом казаки не отличались. За вождями поднимавшими знамя восстаний, во имя облегчения, за народ за права и свободы шли они охотно лишь при удаче, но при неудаче позорно оставляли или выдавали их Московскому правительству.

Булавин не избег обычной участи казацких вождей. Борьба с царем-исполином была непосильным делом для одного казачества и с первых шагов обрекалось на неудачу. Исторический момент был против Булавина. Но тем трогательнее образ мятежного атамана, звавшего казаков стать за неприкосновенность прав и самостоятельность Старого Поля, другу за друга, брату за брата, сыну за отца, звавшего нагих, босых и голодных бороться за лучшую участь, не отдавать без боя себя в разоренье. Казаки поднялись на призыв... Бросили своего атамана. Он погиб. Его смута закончила последнюю страницу самобытной истории войска Донского.

В своих грамотах Московским Царям казаки и раньше иногда называли себя холопами великих государей. Теперь из фигурального смысла наименование это стало подлинным: они обратились в самых настоящих холопов.

Отошел в вечность великий государь, с безмерною жестокостью подавившего казацкую свободу. После его смерти и горькой прочей судьбой на престол самодержцев восседал длинный ряд от ничтожеств иногда к самым подлинным проходимцам, ничтожествам... случайных людей И всем, им как помазанникам Божиим, казаки преусердно служили и постепенно обратились в профессиональных солдат, ничего не стоивших правительству. Большую военную тяготу несли они и неуклонно шли к собственному разорению, свидетелями которого мы являемся.

Старые времена славной удали, широкой свободы, самостоятельности, громких подвигов старательно стирались из памяти казачества. Заменяли их выдуманными рассказами, казатчина, патриотического свойства, изображающую исконную казацкую преданность престолу самодержцев и неудержимое стремление биться за блеск самодержавия, так много благодетельствовавшего казакам.

Но на страницы истории героическое казацкое имя занесено не за эти холопские заслуги. Когда в лучшие времена своего существования, казачество поднимало боевое знамя против сытых, богатых, народных угнетателей, за чернь, за голодных, нагих, босых, обиженных, и если на этом знамени не торжественно и ярко были начертаны бессмертные слова: свобода, равенство и братство, – то в сознании простых серых, зипунных, рыцарей они жили прочно и постоянно. За них они умели и умирать.

www.philol.msu.ru
